

Во дворце Небесной Чистоты их проводили в боковую залу.

Прислуживающий императору евнух попросил:

— Господа, прошу, присядьте. Его Величество хотел бы поговорить со вторым министром наедине.

Хоть во времена Великой Мин, в отличие от периода Тан или Сун, власть министров была ограничена, императору все равно приходилось придерживаться элементарных правил приличия по отношению к Тан Фаню и остальным членам Кабинета. Простых чиновников заставили бы просто стоять снаружи, а министрам нужно было выделить места, где можно присесть и выпить чаю.

Однако сейчас эти формальности, кажется, никого не волновали. Мысли всех присутствующих занимало лишь то, что собирается сказать им император и то, как следует поступить, если их спросят о наследном принце.

Подразумевалось, что Кабинет являл собой единое целое, и подобный сценарий, когда министров вызывают поодиночке, был недопустим. Император, знал, что согласия среди них нет – вот и решил, должно быть, разделить их и по одному разбить в пух и прах.

Великий самодержец, опустившийся до подобной хитрости – и смех и грех!

Впрочем, если все это имело отношение к наследному принцу, то причина такого поступка императора была ясна.

Глядя на невозмутимые лица Вань Аня и иже с ним, Тан Фань ощутил беспокойство.

Спустя добрых полчаса Лю Цзи вышел из приемного зала императора.

Выражение его лица было странным, не поддающимся описанию, но в присутствии Вань Аня и его сторонников Тан Фань не мог подойти к нему с расспросами.

Опустившись на свой стул, Лю Цзи даже взглядом никого не удостоил – как старый монах в состоянии медитации, неподвижно сидел, опустив веки.

Вслед за Лю Цзи в приемную один за другим вошли Пэн Хуа и Инь Чжи.

Вышли они скоро – по крайней мере, быстрее, чем Лю Цзи – со спокойным самодовольством на лицах.

— Его Величество желает говорить со старейшиной Лю, – вновь произнес евнух.

Лю Цзянь поднялся, поправил одежду и, бросив взгляд на Тан Фаня с Сюй Пу, последовал за евнухом.

— Жуньцин, – вдруг подал голос Вань Ань. – Слышал, прошлой ночью ты поймал последних последователей секты Белого Лотоса?

— Просто подозреваемых, – отозвался Тан Фань. – Я доложил о них Императорской Страже. Следует все тщательно проверить.

— Тан Фань, ты старейшина Кабинета, но состоишь в столь близких отношениях с Императорской Стражей, личной военной силой Сына Неба, – усмехнулся Инь Чжи. – Может, это был чей-то приказ? Или ты имел какой другой умысел?

Ни один мускул не дрогнул на лице Тан Фаня.

— Брат Инь, это серьезные обвинения. Императорская Стража отвечает за поиск и арест преступников, замышляющих недоброе против Двора. Разве ты на моем месте не доложил бы о следах секты Белого Лотоса? Неужели скрыл бы их?

— Боюсь, кое-кто просто воспользовался своим положением, чтобы отомстить, – с холодной улыбкой бросил Инь Чжи.

— Отомстить? Кому отомстить? О чем ты, брат Инь?

Пока они обменивались колкостями, вернулся Лю Цзянь в сопровождении евнуха.

И если выражение лица Лю Цзи по возвращении было просто странным, то лицо Лю Цзяня было искажено от мрачных дум.

Что же такое сказал ему Его Величество?

Тан Фань с Сюй Пу озадаченно переглянулись.

А вот Лю Цзи их взгляда избегал, впрочем, как и взглядов остальных. Он сел на свое место. Грудь его тяжело вздымалась, как после жаркого спора.

Видя это, Сюй Пу занервничал. Но когда служащий назвал его имя, других вариантов не оставалось – пришлось проследовать за ним в приемный зал.

Тан Фань же, наоборот, взял себя в руки. Прекратив разговоры, он смежил веки и погрузился в размышления.

Инь Чжи хотел было еще что-то добавить, но видя это, закрыл свой рот.

Вскоре вернулся и Сюй Пу.

Выражение лица его было еще хуже, чем у Лю Цзяня. Он выглядел бледным и с трудом стоял на ногах.

Тан Фань открыл глаза. Заметив состояние Сюй Пу, он сделал шаг навстречу и поддержал его.

Сюй Пу неожиданно схватил его за рукав и закричал:

— Жуньцин, ты должен переубедить Его Величество!

Все были настолько поражены выходкой Сюй Пу, что замерли. Даже служащий, что собирался

пригласить Тан Фаня к императору, оторопел.

Сюй Пу производил впечатление добродушного, абсолютно не красноречивого, старика. Он защищал наследного принца, но был очень плох в спорах. Его было легко смутить, и обычно он сидел молчком. Что есть, что нет его – в отличие от Тан Фаня, что занимал в Кабинете самое низкое положение. Именно по этой причине фракция Ваней и согласилась на то, чтобы Сюй Пу вошел в кабинет: такой человек, как он, не представлял для них никакой угрозы.

Никто не ожидал, что стоит загнать этого добродушного старика в угол, как он взорвется.

Тан Фань понятия не имел, что делать с этим всплеском эмоций Сюй Пу.

— Почтенный Цянь Чжай...

Лю Цзянь подхватил Сюй Пу, обращаясь к Тан Фаню:

— Жуньцин, иди. Я здесь.

Тан Фань кивнул ему и поспешил за служителем.

Император, казалось, еще больше похудел с тех пор, как Тан Фань видел его в последний раз несколько дней назад.

Заседания Двора проводились каждый день, однако император недавно болел – лучше оправдания, чтобы не посещать заседания, кроме неважного состояния здоровья, и не придумаешь.

— Этот чиновник приветствует Ваше Величество. Да здравствует Ваше Величество, – Тан Фань сложил руки в приветственном поклоне.

Министрам, как правило, не нужно было падать на колени. Разве что только во время заседаний Большого Двора или праздничных церемоний.

— Министр Тан, не стоит чиниться. Садись, – молвил император хрипловатым голосом, откашлявшись.

— Благодарю, Ваше Величество.

В отличие от остальных министров Кабинета, Тан Фань не был особо близок с императором. Когда Двор выбрал его в качестве восьмого министра голосованием Шести Министерств, император не возражал, а, войдя в Кабинет Министров, Тан Фань не часто встречался с ним наедине. Лишь на собраниях, в присутствии остальных членов Кабинета.

Император был о Тан Фане ни хорошего, ни плохого мнения. Он считал его человеком довольно способным, но абсолютно не понимающим, как подобает вести себя при Дворе. Если бы не острая нужда, императору бы и в голову не пришло вызвать Тан Фаня для приватной беседы.

Взгляд императора был на редкость добрым. Он долго болтал с Тан Фанем о всякой ерунде и

расспрашивал о его самочувствии после входа в Кабинет. Человека непосвященного подобная забота императора могла тронуть до слез.

Однако выражение лица Тан Фаня оставалось серьезным, а ответы – вежливыми и краткими. Он был не столь энергичен, как прочие молодые подданные, так что император заскучал.

Эта утомительная беседа была пыткой как для монарха, так и для его подданного.

— Министр Тан, должно быть, слышал о небесных знамениях, особенно частых в последнее время?

Итак, император наконец перешел к делу.

Началось!

Тан Фань невольно напрягся всем телом.

— Да, этот чиновник слышал об этом. И видел письмо, которое Ваше Величество приказал доставить в Кабинет Министров.

Император слегка подался вперед, выказывая явные признаки нетерпения.

— И что ты думаешь?

— Прошу, простите этому чиновнику его глупость. Этот чиновник не совсем понимает, что Ваше Величество имеет в виду.

— Императорская Обсерватория сообщила нам, что причина этих знамений – Восточный дворец.

— Ваше Величество хочет сказать, что Восточный дворец?..

Император не стал больше ходить вокруг да около:

— Предупреждениям Небес стоит внимать. Мы собираемся написать размышления о наших ошибках, а также сменить хозяина Восточного дворца. Что думаешь, министр?

Тан Фань больше не мог строить из себя дурачка. Вмиг посерьезнев, он поднялся и торжественно сложил руки:

— Осмелюсь спросить Ваше Величество. В чем недостаток добродетели наследного принца?

Император сторал от нетерпения. До Тан Фаня этот же вопрос ему задавали и Лю Цзянь с Сюй Пу. Повторять одно и то же ему ужасно надоело, но, дабы убедить министров не тянуть с решением вопроса об упразднении наследного принца, ему пришлось терпеливо убеждать их одного за другим.

Чиновники этой династии больше, чем когда бы то ни было, поддерживали наследование по праву первородства. Каким бы могущественным ни был Чжу Ди, ему не удалось свергнуть наследного принца и передать престол своему любимчику, принцу Ханю. Даже теперь, когда

власть фракции Ваней была сильнее, чем любая другая времен Юнлэ, император не был столь же силен, сколь Сын Неба Юнлэ, и, прежде чем принять решение, должен был посоветоваться с Кабинетом Министров.

— Наследный принц уже десять лет как вошел в Восточный дворец. За это время он не достиг никаких высот и не снискал репутацию доброжелательного человека. Разве это не недостаток добродетели? Небеса предупреждают нас, что пора что-то менять.

— Хоть принц и наследник, он все еще остается подданным Вашего Величества. Как подданный он должен довольствоваться занимаемым положением и не переходить черту, разделяющую подданного и монарха. Именно поэтому наследный принц и не достиг никаких высот. Только так он может исполнить свой долг, как наследник престола. Так чем же Ваше Величество недоволен?

Он имел в виду: “Наследный принц не имеет никаких достижений, но так и должно быть. В противном случае, о нем повсюду ходила бы молва, и разговоров было бы лишь о наследном принце, а не об императоре. И тебя бы это устроило?”

Слова эти попали в цель и ясно выразили позицию говорящего: “Я против низложения наследного принца”.

— Тан Фань, раз уж ты так осведомлен о понятии “долга”, то должен знать, что монарх повелевает, а подданный – выполняет, – император был раздражен. – Но ты только и делаешь, что выгораживаешь наследного принца! Неужели это входит в обязанности подданного?!

Тан Фань несколько не испугался, лишь с поклоном ответил:

— Прошу прощения, Ваше Величество. Этот чиновник с детства читал труды мудрецов. Хоть он и не может похвастать выдающейся эрудицией, но основные принципы почтения к Небесам, Земле, Монарху, Родителям и Учителям понимает. В трудах тех не было сказано о сверхъестественных силах и духах, поскольку Верховный мудрец учителей прошлого (Конфуций) говорил, что смертные не в силах постичь волю Небес и суть сверхъестественного, так что и говорить о них не стоит. Безусловно, столь частые небесные знамения – это предупреждения, но разве можно трактовать их, опираясь лишь на слова Императорской Обсерватории? Боюсь, причина их в другом. Вся Поднебесная знает, что наследный принц не сделал ничего плохого, так что этот чиновник надеется, что Ваше Величество передумает!

Император прикрыл глаза.

Прежде он колебался именно по тем же причинам, что озвучил Тан Фань, но он уже принял решение, и никакие мольбы не могли заставить изменить его.

В зале воцарилась тишина. Даже стоявший поблизости молодой евнух задержал дыхание, жалея, что не может спрятаться за занавесом.

У императора было слабое здоровье, и он нуждался в постоянном наблюдении. Этот евнух был отобран во Дворец еще в детстве. Сомнений в его верности быть не могло, но это не значило, что он сам желал слышать подобные слова. Во дворце из поколения в поколение передавалась

мудрость о том, что чем больше человек знает, тем хуже он кончит.

Разве бывший командующий евнух Хуай Энь был сослан Его Величеством в Нанкин не потому, что слишком глубоко влез в политические дела?

Некоторое время спустя император медленно произнес:

— Мы планируем построить еще один Восточный дворец. Не согласишься ли ты составить соответствующий указ от нашего имени?

Сердце молодого евнуха забилося быстрее.

Он думал о том, какой ответ даст старейшина Тан.

И о том, что бы он сам ответил на его месте.

Если ответ старейшины Тана разозлит императора, – а характер у нынешнего императора был получше, чем у прошлых – последствия будут не столь уж и ужасными, но шанса остаться в Кабинете Министров у него больше не будет. Впрочем, как и шанса когда-нибудь снова войти в него.

Евнух подумал, что на месте старейшины Тана, он бы выбрал меньшее из зол: в помощи в составлении указа Его Величеству бы отказал, но при этом перестал бы возражать против низложения наследного принца.

Из раздумий его вырвал голос Тан Фаня:

— Приношу свои извинения. Ваше Величество, прошу обдумать все еще раз.

“О, нет! Его Величество точно разозлится!”

Молодой евнух занервничал. Он слышал, что старейшина Тан был человеком уравновешенным и не таким вспыльчивым, как старейшина Лю. Так почему же он выбрал худший из всех возможных вариантов?

Благородный муж не стоит подле шаткой стены.

Благородный муж должен стремиться к успеху и избегать бед.

Евнух не понимал, что в этом мире есть то, что нужно делать, даже если знаешь, что нельзя.

Император явно разозлился, даже тон голоса сменил:

— Тан Фань, не думай, что раз ты хороший друг Суй Чжоу, мы ради него тебя не тронем! Ты, Лю Цзянь, да даже Сюй Пу изо всех сил демонстрируете свою преданность наследному принцу! Ждете, что мы скоро отправимся к праотцам, чтобы получить покровительство нового Дракона?!

— Ваше Величество несправедлив к этому чиновнику, – спокойно отвечал Тан Фань. – Эти

чиновники всецело верны лишь Вашему Величеству. А потому и должны выполнять свой долг. Долг министра – давать советы, дабы Ваше Величество не совершил непоправимых ошибок. Вспомните те времена, когда Ваше Величество лично избрал наследного принца. Тогда в гареме было мало детей. Увидев его, Ваше Величество, должно быть, был очень счастлив. Мать наследного принца рано скончалась и единственный, на кого принц может положиться, – это Ваше Величество. Что же делать наследному принцу, если даже Ваше Величество откажется от него?

— Ты можешь идти.

— Ваше Величество! – повысил голос Тан Фань.

— Пошел прочь!

Евнуху пришлось сделать шаг вперед и прошептать:

— Старейшина Тан, прошу, остановитесь!

Тан Фань поднял голову и взглянул на императора.

Выражение лица у того было усталым, а в уголках глаз легли глубокие морщины. Он совсем не походил на мужчину сорока лет, не знавшего бед и лишений. Скорее на человека возраста благородной наложницы Вань.

Вид так рано постаревшего императора вызывал у него беспокойство.

Тан Фань не стал больше настаивать. Отведя взгляд, он вежливо поклонился и удалился вслед за служителем.

Лю Цзянь с Сюй Пу с тревогой ожидали его в боковом зале. Заметив приближающегося Тан Фаня, они невольно поднялись со своих мест, устремив на него полные нетерпения и надежды взгляды.

Спрашивать не было нужды: Тан Фань и так понимал, о чем они хотят знать.

Он слабо покачал головой.

На лицах Лю с Сюем отразилось разочарование.

На обратном пути всех обуревали мысли и чувства разного толка. Вань Ань, Пэн Хуа и иже с ними шагали легко, весело переговариваясь и смеясь, а Лю Цзянь с Сюй Пу выглядели такими мрачными, будто только что получили известия о смерти родителей. Тан Фань не рыдал, как Сюй Пу только что, но настроение у него было не лучше.

Поскольку он прекрасно понимал, что император был непоколебим в своем решении низложить наследного принца.

В Кабинете Министров лишь Лю Цзянь, Сюй Пу и Тан Фань решительно выступали против свержения наследного принца.

Однако все трое занимали самые низкие должности в Кабинете. Как только Лю Цзи согласится с низложением принца, решение будет считаться единогласным.

И судя по тому, как вел себя сегодня Лю Цзи, он, скорее всего, не дал явного согласия, но и возражений никаких не высказал. Зная его, можно было предположить, что ответ его был созвучен с ответом Ли Цзи на вопрос о свержении Тан Гао Цзуном императрицы Ван и назначении императрицы У: “Это семейное дело Вашего Величества. К чему утруждать, спрашивая мнение посторонних?”

Так что у их троицы не было и шанса хоть как-то повлиять на ситуацию.

Если так и дальше пойдет, наследного принца точно низложат.

То, что даже император Юнлэ осуществить был не в силах, вдруг вышло проверить у нынешнего Сына Неба. Тан Фань вздохнул про себя, не зная смеяться ему или плакать.

Остальные не разделяли его горького веселья. Лю Цзянь с Сюй Пу весь день были не в себе, а сразу после обеда нагрянули к Тан Фаню и поспешно уволокли его за собой. Вань Ань не стал их задерживать: в любом случае, свержение наследного принца было делом решенным. Любые попытки что-то изменить оказались бы напрасными.

Более того, фракция Ваней заручилась поддержкой и нескольких цензоров. Если кто-то направит прошение с возражениями, Вань Ань сможет убедить их поддержать его.

— Неужели мы и правда ничего не можем сделать? – вздохнул Сюй Пу.

— Я сейчас же иду к наследному принцу! – немного помолчав, проговорил Лю Цзянь и развернулся, собираясь уйти.

Тан Фань с Сюй Пу тотчас остановили его:

— Ну пойдешь ты туда – и что? Попросишь наследного принца самому выступить в свою защиту перед Его Величеством? Так все только решат, что он вступил в сговор с министрами и вынашивает коварные планы!

— Что значит “решат”?! – разозлился Лю Цзянь. – Только шайка Ваней способна вот так исказить правду!

— Значит, ты тем более не должен туда идти! – протестовал Сюй Пу.

— Почтенный Цзянь Чжай прав. Мы сделали все, что смогли, – поддержал его Тан Фань.

— “Сделали все, что могли”! Неужели вот так и будем прикрываться этими словами? – голос Лю Цзяня был полон тревоги и горечи. Впрочем, обращался он не к ним.

Сюй Пу с Тан Фанем вздохнули. Ответить на это им было нечего.

На тот момент большинство придворных уже разгадали намерения императора, однако

понятия о том, что император уже принял решение, не имел никто. Весть о том, что император вызвал к себе членов Кабинета для приватной беседы, разлетелась только назавтра.

В этом и заключалась важная особенность Кабинета Министров. Они находились в самом центре политической жизни, и никто во всей империи не мог получить новости раньше них. Однако Тан Фаня это нисколько не радовало.

Даже не поужинав, он сидел в кабинете у себя дома и в одиночестве сверлил свой письменный стол взглядом.

Пока не раздался стук в дверь.

— Войдите.

Дверь открыл Суй Чжоу. В руках у него был суп с лапшой, а за спиной стоял Ван Чжи.

Ван Чжи сгорал от нетерпения.

— Что происходит? Сегодня утром Его Величество...

— Что ты мне обещал, когда пришел? – недовольно перебил его Суй Чжоу.

Ван Чжи неохотно закрыл рот.

Суй Чжоу поставил перед Тан Фанем тарелку:

— Сначала поешь, а потом поговорим.

— Я не голоден, – со скорбным лицом отказался Тан Фань. Услышать из его уст подобное можно было нечасто.

— Мне тебя покормить? – Суй Чжоу сделал вид, будто не расслышал его слов.

— ...Я сам могу, – Тан Фаню пришлось взяться за палочки.

По аромату супа можно было определить чувства и намерения повара. И Тан Фань не мог пренебречь ими.

Суй Чжоу никогда не говорил просто так: его слова с делом почти никогда не расходились.

Ван Чжи терпеливо наблюдал, как Тан Фань ест лапшу, и, наконец дождавшись, когда больше половины тарелки опустеет, не выдержал и выпалил:

— Слышал, Его Величество сегодня утром вызвал министров Кабинета для приватной беседы?

Одно то, что человек с темпераментом Ван Чжи смог дотерпеть до этого момента, было поразительно.

— Верно, – отозвался Тан Фань.

— Это как-то связано с наследным принцем? – Ван Чжи с первой попытки попал в самое яблочко. – И что в итоге?

— Ты и сам все знаешь, – покачал головой Тан Фань, отставив тарелку. – Зачем спрашиваешь?

— Почему ты не предотвратил это?! – с упреком воскликнул Ван Чжи.

— Я сделал все, что мог, – со спокойным лицом отвечал Тан Фань. – Впрочем, как и Лю Цзянь с Сюй Пу. Возможно, Вань Ань пошел Лю Цзи на уступки, так что тот тоже не стал возражать. Поскольку первый и второй министр пришли к единогласному решению, наши возражения не стоили ничего.

Ван Чжи подскочил и принялся ходить взад-вперед, даже не пытаясь скрыть беспокойство:

— И что же мне теперь делать?!

Тан Фань глядел на него, гадая, сожалеет ли тот о том, что прислушался к его совету и занял сторону наследного принца.

— Я призывал тебя порвать с фракцией Ваней, – он вздохнул. – Не знал, что это принесет тебе лишь вред...

— Нет нужды говорить теперь об этом! – перебил его Ван Чжи, грубо махнув рукой. – Я хочу знать твой план!

— Человек предполагает, а Небеса располагают, – медленно проговорил Тан Фань.

Все беспокойство и тяжесть, казалось, исчезли вместе с супом. Тан Фань принял из рук Суй Чжоу платок и вытер губы:

— Я уже договорился с почтенным Цянь Чжаем и Лю Цзянем. Если Его Величество будет упорствовать, мы подадим в отставку.

— И какой в этом толк? – оторопел Ван Чжи. – Если вы уйдете, Кабинет Министров перейдет в единоличное правление Вань Аня! Разве нет?

— Это все, что мы можем сделать, – вздохнул Тан Фань. – У тебя есть предложение получше?

Ван Чжи к Тан Фаню привела надежда.

Ему казалось, что Тан Фань способен из любой ситуации найти выход, порой превосходящий даже самые смелые ожидания. Но у каждого правила есть исключения.

В конце концов, Тан Фань был простым человеком, а не божеством. Бывали времена, когда и он оказывался бессилен.

Ван Чжи был ужасно разочарован.

Подле принца оставалось все меньше и меньше людей.

Хуай Энх уже покинул столицу. Если Лю Цзянь с Тан Фанем и Сюй Пу будут вынуждены выйти из Кабинета Министров, сил оставшихся не хватит, чтобы держать оборону.

Сам Ван Чжи мог бы помочь наследному принцу сбежать, но никогда бы, как Тан Фань, в открытую не выступил против фракции Ваней.

Статус Суй Чжоу также не позволял ему хранить верность кому бы то ни было, кроме Сына Неба. Хоть принц и был наследником престола, императором он пока не являлся.

Неужели никто не сможет предотвратить низвержение наследного принца?

Ван Чжи в отчаянии покинул дом Тан.

Проводив его, Тан Фань с горькой самоиронией бросил стоявшему подле Суй Чжоу:

— Если бы я не подбил его сблизиться с наследным принцем, он сейчас был бы счастлив, как весенний ветерок. И не терзался бы беспокойствами!

Протянув руку, Суй Чжоу заправил за ухо выбившиеся из-за ветра на лицо волосы Тан Фаня и многозначительно произнес:

— Ты сам только что сказал: “Небеса располагают”. Воля Небес непостижима. Как может пара смертных толковать ее по своему усмотрению?

После этого разговора, глубокой ночью, когда Тан Фань крепко спал и видел сны, Суй Чжоу разбудил его, чтобы сообщить новость.

В Шаньдуне произошло землетрясение.

И случилось оно на горе Тайшань.

Послесловие автора:

Мини-театр:

Что вы думаете о господине Тане? Пожалуйста, опишите его одним предложением.

Император Чэнхуа: Хорош в расследовании дел, довольно полезен, но не умеет себя вести: противится нашей воле низвергнуть наследного принца – плохой отзыв!

Суй Чжоу: Связаны узами брака как супружеская пара – в нашей любви не может быть никаких сомнений.

Ван Чжи: Придурак, дыня, порой этот доставучий балабол меня очень раздражает, а порой мне кажется, что он ничего такой – в целом, пойдет, но все же несколько хуже меня.